

Кто Кокто?

Лариса МИЛЛЕР

Наконец-то Кокто ответил на этот вопрос на великолепном русском. (О книге Жана Кокто "Петух и Арлекин". Москва. "Прест" 2000)

Один из разделов комментариев в книге называется "Кто Кокто?". Вопрос не праздный, потому что в России Кокто вряд ли хорошо известен. Его пьесы редко ставили, а стихи, статьи и прочие труды мало переводили. Данное издание в своем роде уникально. Многие из того, что вошло в книгу, печатается на русском впервые. Собрал, блестяще перевел с французского и интереснейшим образом откомментировал помещенные в книгу тексты Михаил Сапонов.

Так кто же Кокто? Вот его полное имя — Клеман Эжен Жан Морис Кокто. А вот полный список занятий — поэт, художник, писатель, драматург, кинематографист, театральный режиссер, философ искусства. Родился и жил во Франции (1889-1963). Гуманитария широкого профиля, которому, как сказано в аннотации, адресовано это издание, обычно известно только то, что Кокто был лидером раннего авангарда, писал стихи, сочинял пьесы, поставил фильм "Орфей".

Бурно фонтанируя всю свою жизнь, Кокто успел сделать чрезвычайно много. Он автор блестящих статей об искусстве, балетных либретто, разножанровых спектаклей (некоторые из них сочинены в содружестве с Дягилевым и Стравинским), фильмов, стихотворных сборников. В данную книгу включены его статьи, лучшие балетные либретто, письма, отзывы и воспоминания современников. Но самое ценное из всего, что вошло в книгу, это, на мой взгляд, манифест "Петух и Арлекин", впервые полностью, со всеми приложениями и комментариями опубликованный по-русски.

Имея весьма поверхностное, состоящее из общих мест представление о Кокто, я была потрясена его манифестом. Оказывается, этот знаменитый своими скандалами и эпатажными выходками непредсказуемый enfant terrible был человеком острого дисциплинированного ума, ясно и изящно выражал свои мысли, обладал редким чувством меры. Прочитав и перечитав этот текст (он настолько хорош, что одного раза мало), я на вопрос "кто Кокто?" ответила бы сегодня одним словом: поэт. Кокто прежде всего поэт, и предложения его звучат, как стихотворные строки — настолько они точны, емки и лаконичны: "Источник почти всегда относится неодобрительно к дальнейшим извилам речного русла"; "Главное не в том, чтобы держаться на плаву, а в том, чтобы полностью нырнуть вглубь, оставляя легкую зыбь"; "Я работаю за деревянным столом, сидя на деревянном стуле, пишу деревянной ручкой, и все это не мешает мне нести

в известной мере ответственность за движение звезд"; "Что думает холст, когда на него наносят шедевр? Меня обмазывают. Меня терзают. Меня сажают". Вот так и человек обижается на свою прекрасную судьбу".

Манифест Кокто в переводе Михаила Сапонова, дивно зазвучав по-русски, стал фактом русской литературы. Вот что пишет о своей работе сам переводчик: "Переводить афоризмы Кокто надо бы так, как в словарях переводят пословицы — не переводить буквально, а подбирать для каждого изречения уже существующее похожее русское. Но ему нет аналогов в других языках. А переводить надо. К его прозе при переводе надо относиться, как к поэзии". Михаил Сапонов с задачей справился — ввел тексты Кокто в русский обиход. Это необходимо было сделать еще и потому, что русское искусство и, в частности, дягилевские балеты, демонстрировавшиеся во Франции в начале прошлого века, по словам Андре Моруа "ошеломили и разбудили Кокто". "Эти грандиозные представления... способствовали моему перерождению, — писал Кокто. — В двадцать лет я заново родился". Он никогда не переиздавал того, что создал до знакомства с русским балетом. Русское искусство послужило для Кокто импульсом для зарождения новых идей в самых разных областях искусства и сделало его законодателем раннего авангарда.

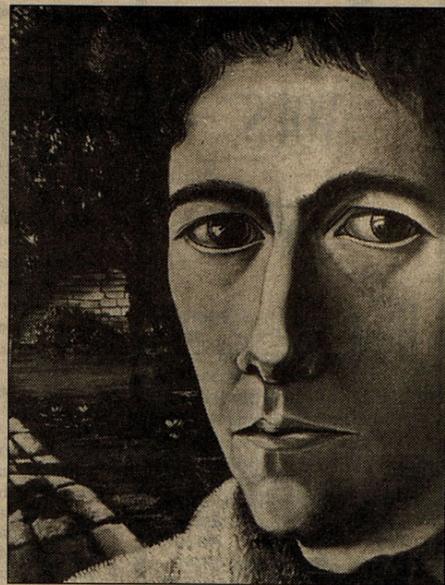
Но вот что интересно. Этот лидер авангарда никогда не отказывался от реализма и простоты в их истинном, глубинном понимании. "Сати (французский композитор, друг Кокто) учит нас самой большой дерзости нашей эпохи — быть простым, — пишет Кокто в своем манифесте. — В своем отращении к... современным трюкам, часто увлеченный техникой, тончайшие средства которой прекрасно знал, Сати сознательно от всего отказывался, чтобы иметь возможность вырезать из цельного куска дерева, оставаться простым, чистым, ясным... Опозиционность Эрика Сати заключается в возврате к простоте. Между прочим, в эпоху крайних изысков это единственно возможная опозиция".

Но простота и реализм вовсе не означали для Кокто элементарности и примитивизма. Он был против бездумного копирования действительности, против механического перенесения реальности в искусство. В его понимании поиск новых средств вовсе не должен приводить к полной

бессмыслице, к набору ничем неотвечающих случайностей. Все должно быть подчинено внутренней логике. Он ратовал за так называемый внутренний, глубинный реализм. Быть правдивее правды — знаменитая максима Кокто, которую он, бесконечно варьируя, повторял всю жизнь. Для него это означало, что сколь бы дерзкой ни была фантазия художника, объективный мир должен сохранять силу в его творчестве, художник никогда не должен терять чувство реальности, потому что "только реальность, даже старательно прикрытая, обладает силой воздействия". Разве это несовременно звучит? И разве несовременно в эпоху победившей массовой культуры, когда даже тонкие мастера то и дело играют на понижение, звучит такая фраза: "Если художник уступает предложениям публики о мире, он побежден"? Не подыгрывать публике, но и не отворачиваться от нее. Искусство — это всегда общение, разговор, невозможный без "душевного волнения". Вот какие не новаторские чувства испытывал этот новатор и какие не модные слова произносил.

Было у него еще одно замечательное свойство, которое плохо приживается в нашем суровом климате — легкость. На вопрос, почему даже в своих серьезнейших произведениях он как будто отшучивается, Кокто ответил: "В них (в произведениях. — Л.М.) заключено целомудрие. Еще из мест моего детства я вынес одно — такую своеобразно злобную вещь, как хорошее воспитание, благодаря которому всегда кажется, что по тяжелой и драматичной жизни я продвигаюсь с легкостью". Интересное объяснение. Оказывается, надрыв и надрыв — свидетельство дурного воспитания. Чем легче слог, тем целомудреннее произведение. Жизнь и так темна. Не надо класть черную краску слишком жирными слоями, делая картину жизни излишне пастозной. Умному достаточно намека, беглого штриха, тонкой линии. "Моя застенчивость заключается в том, чтобы о вещах тяжелых говорить как можно легче". Целомудрие, застенчивость — вот что многие склонны принимать за легковесность. Не оттого ли в России, где неизменно силен культ страдания и лишь в трагическом видят величие, Кокто так мало известен? Не слишком ли этот француз утончен, изящен, легок для нашей неулыбчивой действительности?

Но к нему стоит прислушаться, ей-богу. Он умел ходить, шутя говорить о вещах нешутных и глупых. "Может

быть, вы считаете, что "преодолеть" означает "сжечь идола"? — писал он в одной из статей. — Ничего подобного, в огонь нельзя бросать даже эпоху". Не этим ли мы постоянно заняты? Не пытаемся ли, вместо того, чтоб взглянуть и осмыслить прошлый, пусть даже неудачный опыт, спалить и уничтожить все, что сегодня объявлено неверным или устаревшим?

Читая статьи Кокто о музыке, театре, литературе, с удивлением обнаруживаешь, что они абсолютно современны и представляют для нас не академический, а самый что ни на есть живой интерес. Будучи профессионалом, Кокто сумел избежать худшего из того, что присуще профессионалу — а именно, наукообразия, — сохранив лучшее из того, что свойственно любителю — а именно, любовь. Любовь к тому, о чем пишет. "А теперь пришлите мне свои извинения. Я написал статью о музыке, не применив ни одного термина, связанного с техникой этого искусства. Впрочем, утверждать, что нельзя говорить о музыке, не зная ее алгебры, — это равносильно утверждению, что нельзя пробовать хорошее блюдо не имея навыков в кулинарии, а кулинарию нельзя освоить без знания химии и так далее".

Кокто был чрезвычайно живым и самобытным художником, заряженным своей энергией все, к чему прикасался. Ему была свойственна провидческая интуиция, благодаря которой он стал создателем новых концепций и предсказал развитие музыки на десятилетия. "Все его пророчества сбылись", — пишет Михаил Сапонов. Кокто создал концепцию нового театра, предвосхитил "конкретную" музыку, ему принадлежит идея "реабилитации общих мест" — это когда "знакомые и затертые образы даны в неожиданно новом освещении". Многие его идеи были впоследствии приписаны другим художникам или присвоены другими. Но Кокто был настолько щедро одарен, что, несмотря на свою недооцененность, остался величиной неоспоримой. Современники вспоминают, что, делясь идеей новой театральной постановки, он одновременно делал потрясающие по точности карандашные наброски будущей сцены. У него это занимало секунды. "Кокто — мастер рисунка, с быстрым глазом и скупой линией, — ему хватало пары завитушек, чтобы уловить облик любой попавшейся жертвы, — пишет Игорь Стравинский. — В художественном отношении он — первоклассный критик, а в театре и кино — новатор высочайшего уровня".

А питала этого новатора такая старомодная вещь, как любовь. "Надо уметь быть пристрастным. Человек беспристрастный любить не может", — писал Кокто. В его произведениях часто появляется ангел. Ангел для него — не только вестник, но и муза, и сам поэт. Ангел — не вне нас, а внутри, и обращаться с ним надо очень бережно: "Мы ютим в себе ангела и его же сами беспрестанно шокируем. А надо бы стать хранителями этого ангела". Вот бы научиться.

Jean Cocteau
X 1962

06.01

Кокто Жан

281